

ПОЗНАНИЕ И ЗНАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

И.Т. Касавин

Кто говорит о знании?*

Рассмотрение понятия «знание», как ни странно, весьма редко начинается с вопроса «кто говорит?», поставленного Ф.Ницше, т. е. с уточнения того, какая именно позиция рефлексии будет представлена в данном дискурсе. Мне представляется существенно важным разграничивать обыденное, научное и философское рассмотрение знания с точки зрения реальной компетенции рассуждающего субъекта.

Что представляет собой знание для «человека с улицы» (А.Щюц)? Это, как представляется, в первую очередь основание для уверенности в своих действиях. «Я знаю, что вслед за ночью придет рассвет» – означает, что человек может запланировать: проснуться утром и заняться текущими делами. «Я знаю, как выбирать арбуз» – знание покупателя, дающее ему надежду на то, что купленный арбуз не придется выбросить на помойку. «Я знаю этого человека» – утверждение, позволяющее автору общаться (или избегать общения) с кем-то, предвидя последствия своих действий. Итак, почти буквально следуя известному из аналитической философии (Б.Рассел) различению, мы получаем «знание-что», «знание-как» и «знание-о ком-то», т. е. предметное, методологическое и коммуникативное знание уже даны в обыденном сознании, хотя оно и не артикулирует данные различия. Главное в знании для «человека обыденного» это то, что в нем он черпает

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-91 а/и.

веру в способность предвидеть развитие ситуации и планировать соответствующие действия; это операциональное знание, которое в технике и технологии (социальной в том числе) находит свое развитое воплощение.

Ученый (а здесь мы ведем речь о представителе фундаментальной науки) выделяет из нерасчлененной когнитивной установки обыденного сознания его первую ипостась – «знание-что». Следует подчеркнуть, что особенность научного взгляда на знание в том, что в исследуемой предметности выделяется не основа для человеческих действий, но ее собственное основание, а именно ее структура и функции. При этом можно долго дискутировать о том, доминирует ли структурный подход над функциональным в науках физико-математического типа, претендующих на каузальное объяснение, или о том, имеет ли функциональный подход приоритет перед структурным в натуралистических и социально-гуманитарных науках, ориентированных на описание. Так или иначе, но специалист в области атомной физики разрабатывает и обосновывает представление о структуре атома, а также ее функциях, проявляющихся во взаимодействии элементов атома, и выводит отсюда все возможные следствия, позволяющие осуществить экспериментальную проверку. Он полагает, что получает знание, когда изучает учебную и научную литературу, когда выдвигает гипотезы и делает вычисления, но в первую очередь – когда все это находит подтверждение в эксперименте. Опытная проверка рассматривается как наиболее основательная идентификация знания. Аналогичным образом этолог, описывающий поведение волков, соотносит это с анатомией и физиологией, а геолог, изучающий морфологию осадочных пород или тектонических плит, может сделать выводы по поводу динамики их изменений. Структура и функция, статика и динамика – эти и другие измерения предметности выступают для ученого в единстве.

При этом методологический и коммуникативный аспекты знания в науке подчинены предметному. Знание постольку знание, поскольку несет в себе не методы его получения, формы общения, но содержание, говорящее об исследуемом объекте. И в этом отношении ни в неклассической, ни постнеклассической науке ничего не меняется: наука все делает своим предметом, во всем видит предмет, хотя на деле кое-что может обстоять не совсем так. Однако

мы ведем здесь речь именно об установке ученого, а она, взятая в идеале, однозначна – это нацеленность на предмет исследования. При этом критерии знания, его отличия от того, что знанием не является (а это не заблуждение, не ошибка, о них речь пойдет отдельно), многообразны. Здесь наличие и экспериментального обоснования, и определенной теоретической формы (классификация, гипотеза, закон, объяснение, предсказание), и соблюдение методологических требований (простоты, системности, логичности, связи с предшествующим знанием).

Однако философ подходит к знанию с совсем иной стороны. И здесь время напомнить о том, что данные размышления инспирированы дискуссией с А.Л.Никифоровым на страницах журнала «Эпистемология и философия науки». С самого начала следует обратить внимание на то, что Александр Леонидович обсуждает вопрос не о том, что есть знание само по себе или как это понятие трактуется в современных когнитивных науках. Речь идет как раз о философском понимании знания, и в этом смысле – об основном предмете и содержании эпистемологии как дисциплины. Эта позиция мне очень близка, и именно с данной точки зрения я и попытаюсь посмотреть на аргументы автора.

Мне представляется во многом оправданной оценка А.Л.Никифоровым аналитической философии в интерпретации понятия знания. Действительно, многие дискуссии напоминают переливание из пустого в порожнее, это весьма эзотерический дискурс, выглядящий так даже для специалиста в данной области. Стандартное истолкование понятия знания, как и прежде, базируется на двух предпосылках – приоритете логических средств анализа перед философскими и специально-научной предметности перед собственно философской. Эпистемология перестает быть рефлексией о природе познающего человека в единстве его деятельностных и коммуникационных возможностей и тем самым вообще утрачивает философский статус в рамках этих логико-формалистских и натуралистических подходов.

Каким же образом А.Л.Никифоров намеревается вернуться к философскому рассмотрению понятия «знание»? Он проводит различие между тремя разными областями, к которым могут относиться наши идеи (т. е. ментальные состояния, в терминологии аналитических философов), – областью *верований*, областью *мне-*

ний и областью знания. В частности, знание – это то, что нуждается в обосновании и может быть обосновано, оно intersubъективно и является продуктом особой познавательной деятельности, оно не возникает вдруг – в отличие от веры и мнения. На этом, однако, останавливаться нельзя, считает А.Л.Никифоров. Философская оценка знания в отношении к его предмету выражается фундаментальным понятием *истины*. Проверенные обоснованные предложения, в которых выражается знание, оцениваются как истинные. Понятия знания и истины неотделимы друг от друга: знание – это то, что оценивается как истина; истина – необходимый атрибут знания. К мнениям и верованиям понятие истины неприменимо.

Пафос, которым отличается подход А.Л.Никифорова, не может не вызывать сочувствия. В самом деле, в современном мире идейная атмосфера так замусорена мешаниной из темных суеверий и фантастических гипотез, наивных предрассудков и обрывков научных представлений, утопий и идеологических мифов. Разгрести этот мусор, отделить зерна от плевел, а мух от котлет – конечно, задача актуальная. Может ли ее решению способствовать ригористический взгляд на знание – это, на мой взгляд, большой вопрос.

Впрочем, и сам А.Л.Никифоров признает, что его подход оставляет множество нерешенных проблем. Следует ли признать, что вся история до- и вненаучного познания является лишь кладбищем заблуждений? Как быть с когнитивным развитием человека до того момента, как он сформирует в себе развитую способность к рефлексивной оценке? Как быть с теми нашими современниками, которые успешно трудятся, общаются, строят общество будущего, но при этом не обладают тем, что А.Л.Никифоров именует знанием и истиной? Конечно, философия – это самосознание интеллектуальной элиты, но эта элита не должна столь резко недооценивать познавательный опыт всех тех, кто к ней не относится. В противном случае знание решительно отрывается от контекста своего функционирования и развития – от живого процесса познания, от деятельности и коммуникации реальных человеческих индивидов. И здесь уже не спасают ссылки на особый абстрактный способ философского рассмотрения, который на деле оказывается почерпнут, как признается мимоходом и сам А.Л.Никифоров, в опыте классического естествознания. Так что же? Он попадает в ту же натуралистическую ловушку, в которой уже сидят многие

аналитические философы. Однако та же реальность социально-гуманитарного знания, относительно недавно оказавшаяся в фокусе эпистемологического анализа, требует иных, неклассических представлений. Приходится скрепя сердце признавать когнитивный статус за весьма сомнительными историческими экзерсисами и экономическими моделями, психологическими метафорами, этнографическими описаниями и социологическими прогнозами. В противном случае сфера знания становится столь узка, что уже не вмещает в себя большинство наук и дисциплин, для которых характерны несколько более слабые эпистемические критерии.

Помимо этого, трудно игнорировать урок развития философии науки последних тридцати лет. Он побуждает отказаться от элементаристского подхода к понятию знания. Отныне предметом анализа становятся не отдельные понятия (знание, мнение, вера, истина, заблуждение и т. п.), но большие когнитивно-исторические совокупности (научные теории, парадигмы, системы повседневной, религиозной, нравственной ментальности), позволяющие строить уже не родовидовое, но типологическое определение знания. Трудно получить сколько-нибудь адекватное представление о знании, если не изучить конкретные его виды и типы. Чем измерение отличается от гипотезы, наблюдение от классификации, объяснение от описания? Чем классическая механика отличается от специальной теории относительности? Чем логико-математическое знание (если А.Л.Никифоров его вообще признает знанием) отличается от исторического знания? В чем специфика прикладных наук (дисциплин, знаний) по сравнению с фундаментальными?

Однако ответы на эти вопросы также могут носить достаточно абстрактный характер, будучи оторваны от исторического и социокультурного контекста. Измерение в античности и в Новое время отличаются не только в степени точности. Между экспериментами Г.Галилея, Э.Резерфорда и современными виртуально-компьютерными экспериментами мало общего. Математические языки Евклида, И.Ньютона и А.Н.Колмогорова практически не поддаются взаимному переводу. Экономике Д.Риккардо отделяет от экономики Дж. Кейнса едва ли не пропасть. Общие представления о конкретных формах и типах знания и познания обретают плоть и кровь лишь тогда, когда понимаются как интегральные измерения человека, которые вместе с тем обнаруживают себя как

эволюционирующие общественные функциональные подсистемы, находящиеся в состоянии сложного взаимодействия с такими же подсистемами деятельности и коммуникации.

Наконец, весь экскурс А.Л.Никифорова относится к «нашим идеям», как он сам выражается, к тому, что находится в голове. При таком подходе понятие знания (включая intersubjectивность, обоснованность и истину) обнаруживает сильную зависимость от психологии индивида и его способности к пониманию чужого сознания. На деле же когнитивным содержанием обладают все человеческие артефакты, или объективации. Их анализ позволяет воспроизводить массивы знания (расшифровка древних рукописей, рисунков и символов, исследование орудий, предметов древнего быта, искусства, архитектуры) и даже формулировать новаторские теории (паровая машина как источник идеальной паровой машины С.Карно). Даже психологи, призвание которых, казалось бы, исследовать «ментальные состояния», обнаруживают сознание за пределами головы – в поведении, деятельности, коммуникации (Л.С.Выготский). Почему-то А.Л.Никифоров не учитывает эти обстоятельства в своем понимании знания. Но тогда психологизм самого наивного индивидуалистического свойства, который и неокантианцы, и феноменологи, и неопозитивисты все время выгоняли в одну дверь, просачивается у А.Л.Никифорова в другую.

Для более рельефного выделения особенностей подхода к знанию, представленного у А.Л.Никифорова и который в целом можно назвать логико-методологическим, полезно обратиться к совершенно иной, а именно социологической традиции в интерпретации знания (социальная эпистемология, социология знания, когнитивная социология науки), где он рассматривается, прежде всего, как социальный феномен. В таком случае в фокус внимания попадают многообразные формы взаимосвязи знания, с одной стороны, и его окружения (деятельности, общения, культуры, социума в целом), с другой.

Анализ социальности познания, как известно, прошел три этапа развития. На первом (Платон, Ф.Бэкон, Дж.Беркли) он выражался в негативной оценке влияния общества на процесс и результаты познания и требовал «очищения разума» от «идолов», некритически принимаемых «мнений» или коллективных заблуждений. На втором этапе (К.Маркс, Э.Дюркгейм, К.Мангейм)

продолжалась критика «фетишизма» и «идеологии», но была показана неизбежность «коллективных представлений», «коллективного бессознательного» (К.Юнг), образующих объективный фундамент гуманитарного знания. Параллельно социологи науки (Р.Мертон, Б.Барбер) занялись исследованиями институциональной и нормативной структуры науки, все еще не признавая, что эти факторы оказывают влияние на естественнонаучное знание. Наконец, на третьем этапе, существенный шаг в понимании социальности познания сделали социологи науки, ориентированные в той или иной степени на «сильную программу» Б.Барнса – Д.Блур. Уже Т.Кун показал, что хотя социально-психологическое измерение науки труднодоступно для анализа, оно, тем не менее, является элементом «третьего», а не «второго мира» (в терминологии Поппера), т. е. это вполне объективный когнитивный феномен. Социологам предстояло дополнить историка, вычленив элементы и проследив генезис предпосылочного знания (парадигмы, темы, традиции) в науке. Взяв за основу ряд философских идей К.Маркса, Э.Дюркгейма и Л.Витгенштейна, социологи соединили их с идеями психологии языка и мышления (Л.Выготский), структурализма и функционализма (Э.Эванс-Причард, Б.Малиновский). Так, Эдинбургская школа в социологии науки выступила с программой исследования знания, в которой в противовес традиционной социологии науки ставится задача изучения не организации науки или функционирования ее результатов в культуре и обществе, но самой формы и содержания научного знания с точки зрения его обусловленности социальными структурами. Один из ее лидеров, Б.Барнс, писал: «Чтобы понять процесс познания, необходимо поставить убеждения в отношении к деятельности. Рассмотрение логических отношений между абстрактно понятыми системами убеждений в целом не приводит к успеху. Социолог должен рассматривать убеждения в их связи с функциями в практической деятельности»¹.

Д.Блур добавляет, что социологическая дефиниция знания «будет поэтому отличаться от обыденного или философского его понимания. Вместо того чтобы определять его как истинное убеждение, социолог рассматривает как знание то, что является таковым в реальной человеческой жизни»². Это означает, что «социолог ищет теории, которые объясняют фактически существующие

убеждения независимо от того, как сам исследователь оценивает их»³. «Исходным для социального анализа знания, – Х.Новотни, – является тот факт, что у людей имеются весомые социальные основания для того, чтобы придерживаться данных представлений и убеждений, коллективно отстаивать их и относиться к ним как к знанию... Хотя с некоторых пор мы привыкли приписывать научному знанию верховный социальный и эпистемологический статус, к которому добавляется привилегия судить о правоте других убеждений, было бы все же большим упрощением отбрасывать как иррациональное, эмоциональное и необоснованное всякое явление, к которому неприменимы стандарты научной рациональности. Допуская иные, социальные стандарты в качестве правомерных, социолог смотрит на науку как на социальный институт и на знание как на социальную конструкцию»⁴. Данные исследователи едины в своей феноменологически-дескриптивистской установке, солидаризируясь с Витгенштейном в том, что разные формы знания следует изучать как обычаи примитивного племени и, уподобляясь этнографу, заниматься их описанием, а не оценкой. Однако такое описание на деле выливается в реконструкцию, когда, например, микросоциологи представляют познавательный процесс как «социальное конструирование» (социальное производство) знания.

Идея социального производства, заимствованная когнитивной социологией у Маркса, позднего Витгенштейна и в бихевиористской психологии, состоит в рассмотрении знания не столько как результата отражения объективной реальности, сколько как продукта особой деятельности. Эта (данная характеристика в особенности относится к науке) деятельность имеет своим предметом заранее конструируемые орудия и материалы и предполагает субъективные решения и выбор, регулируемые не четкими, писанными правилами, а ситуацией, обстоятельствами. Известный тезис Дюгема-Куайна о «неполной детерминированности» теории фактами (или выводов – доказательствами) и внезапное осознание важной роли субъекта в познании интерпретируются в контексте микросоциологических исследований как свидетельство в пользу «социальной фабрикации» знания⁵. Микросоциологический подход в социологии научного знания (Г.Коллинз) или этнометодологии (М.Линч, Г.Гарфинкель) направлен на детальное изучение

«технической фактуры» научной деятельности: особенностей внутринаучной коммуникации, методики эксперимента, протоколирования результатов, использования норм. В этом же русле находятся исследования, посвященные «дискурс-анализу» или описанию «социальных переговоров» ученых в рамках эпистемических сообществ (работы Б.Латура, С.Вулгара, Г.Гильберта и М.Малкея). Анализ ограничивается, таким образом, сферой «внутренней социальности», т. е. тем содержанием научного знания, которое формируется характером исследовательской деятельности и принятыми формами научного общения. Этот подход как бы противопоставляется тенденции связывания знания с широким социальным контекстом («внешняя социальность»); недаром провозглашается своеобразный «методологический интернализм» (Г.Коллинз, К.Кнорр-Цетина). Попперовское «знание без субъекта» как бы вытесняется идеей «знания без объекта» – таким специфическим образом реализует себя изначально марксистское требование того, чтобы формы знания и мировоззрения были «выведены» из структуры социального субъекта.

При этом социологи сохранили почти в неприкосновенности сциентистско-объективистскую установку К.Поппера и Т.Куна. Стимулирующее влияние эпистемологического анархизма (П.Фейерабенд) не было по достоинству оценено, и социальный субъект так и не обрел собственно субъективных, индивидуальных черт, ставши теперь уже не гносеологической (как в рамках логико-методологического подхода), а социальной абстракцией. Тем самым еще раз была показана неразрешимость данной проблемы в рамках отдельной науки и пусть даже самой современной сциентистской эпистемологии. Разрыв континуума «общество – индивид» оказался непреодолимым без восстановления континуумов «наука – культура», «наука – иные типы познания и сознания». Только этим путем можно продвинуть анализ фундаментальных для теории познания проблем «до- и постпарадигмального развития знания», по Т.Куну. На пути к адекватному пониманию социальности приходится пересматривать и восстанавливать в правах проблематику индивидуальности в познании и включать в эпистемологию элементы литературоведческого анализа (Р.Порти).

* * *

Причина затруднений, с которыми сталкиваются как логико-методологическое, так и социологическое истолкование знания, среди прочего в том, что эпистемологическое рассмотрение знания внутренне недостаточно, оно должно включить в себя социально-философский и культурно-антропологический аспект, т. е. стать философским в полном объеме. Главный недостаток большинства концепций знания в том, что они не выходят за пределы конфронтации классической и неклассической эпистемологии, философского и натуралистического проектов исследования познания. Однако современную эпистемологию надо строить на новых основаниях, понимая ее как снятие противоположности классического и неклассического подходов. Это будет *постнеклассическая теория познания*, сохраняющая ведущую роль философии, с одной стороны, и признающая важность междисциплинарного взаимодействия, с другой. Решая различные исследовательские задачи, она будет постоянно переходить от дескриптивизма и эмпиризма к нормативизму и трансцендентализму и обратно.

Не отдельная наука – логика или социология, не отдельная эпистемологическая дисциплина (эволюционная или социальная теория познания), но лишь интегральная философия познания, философия как таковая способна дать адекватное и богатое представление о знании. Последнее в таком случае является результатом анализа реального познавательного процесса и потому наполнено конкретным содержанием; и вместе с тем оно имеет всеобщий и абстрактный характер, дабы служить познающему человеку нормой и идеалом.

Примечания

- ¹ Barnes B. Scientific Knowledge and Sociological Theory. L., 1974. P. 39.
- ² Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976. P. 2.
- ³ Ibid. P. 3.
- ⁴ Nowotny H. Science and its Critics // Counter-movements in Science. Dordrecht, 1979. P. 5.
- ⁵ Knorr-Cetina K. The Ethnographic Study of Scientific Work: Towards a Constructivist Interpretation of Science // Science observed: Perspectives on the Social Study of Science. L., 1983. P. 115–140.